
Александр РЫБИН

ТРИ ВСТРЕЧИ С ДОНЕЦКИМ

Рассказ

Справка. Поселок Донецкий расположен в настоящее время на территории Луганской Народной Республики, ЛНР. Основан в начале XX века шахтерами, добывавшими в окрестностях уголь. В 1963 году стал поселком городского типа, были построены пятиэтажные дома, школа, фельдшерско-акушерский пункт. С февраля 2015-го до весны 2022 года вдоль северной окраины Донецкого проходила линия фронта, сам населенный пункт контролировался батальоном «Призрак» народной милиции ЛНР.

Остров Оборонный, Валаам — весна 2021 года

С Диньчей мы поехали туда во второй день моего пребывания на Валааме. Идея принадлежала Диньче. Мы попили чай в ее комнате. Затем собрали в рюкзак газовую горелку, книжки — одну ее, про образы юродивых на русских иконах, и одну мою, кофе, сахар, котелок и пачку печенек. Солнечный день. Ни намек на облака. По каменному мосту над зданиями водоочистных сооружений, мимо двухэтажной пожарной части вышли на Главную монастырскую дорогу. Дорогу регулярно ровнял трактор, поэтому ни луж, ни выбоин, где они могли бы скапливаться — одно удовольствие идти прогулочным шагом. Минут через десять нас догнал УАЗ «буханка». «Ваня, наверное», — сказала Диньча и махнула водителю, чтобы остановился. Машина затормозила, водитель — да, знакомый Диньче Ваня — без лишних слов кивнул головой, чтобы забирались в кабину.

Первое, что привлекло мое внимание внутри — наклейка с символикой батальона «Призрак» — ополченческого формирования Луганской Народной Республики. Вампирская улыбка на черном щите. «Ты из Алчевска?» — спросил я Ваню. Алчевск являлся основным местом базирования «призраков» в 2015 году, когда я помогал батальону в информационной деятельности. Летом 2014-го я воевал в составе ополчения в Луганске, народно-освободительный батальон «Заря», минометный взвод. Летом 2015-го активных боевых действий не велось, война превратилась в неподвижную линию фронта с ежедневными обстрелами, народное восстание тонуло в болоте позиционной гражданской войны. Я делал сюжеты и писал статьи о ситуации в зоне ответственности

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». Публиковался в различных литературных изданиях. Живет в Тверской области.

«Призрака» — в том числе на иностранных языках, чтобы объяснить за пределами русскоязычного мира, что творится на Донбассе.

«Из Кировска», — ответил Ваня. В Кировске дислоцировалось «призраковское» подразделение, которым командовал местный — Сергей Ночевка, позывной «Семьдесят седьмой». За глаза его позывной сокращали... «С «Сим-симом» знаком?» — спросил я Ваню. «С «Сим-симом»? С «Семьдесят седьмым», что ли? Мой командир». Ваня присоединился к «Призраку» осенью 2014-го. Выяснилось, что я приезжал в поселок Донецкий, линия фронта, километра четыре севернее Кировска, когда возле него Ваня с тремя другими бойцами «Сим-сима» подорвался на mine. Ровно в тот же день. Я отлично помню ситуацию. В Донецком с двумя девчонками, которые приехали со мной из Алчевска — одна оператор, другая корреспондент, лицо сюжетов о «Призраке» на английском языке, — я стоял возле штаба ополченцев и разговаривал с несколькими из них. Штаб располагался в бывшем здании фельдшерско-акушерского пункта, порядком обветшавшем задолго до войны — за время независимой Украины. Деревянные косяки ходили ходуном, краска лоскутами сползла со стен. Зато крепкие стены — главное при вражеских обстрелах. Вдруг из-за поворота вылетел зеленый уазик и остановился перед нами. На капоте крупная эмблема «Призрака». Резко распахнув дверцу, с водительского места выгнулся «Сим-сим»: «Готовьте медиков, быстро! У нас „двухсотый“. И кажется, не один!» Он столь же резко захлопнул дверцу, и машина рванула в сторону линии фронта. Ополченцы засуетились, зашипели рации. Кто-то заговорил о возможной атаке со стороны противника. Из-за соседнего здания выкатили БМП. Бронемашина переместилась ближе к направлению, с которого могло произойти нападение группы вражеских диверсантов. Минут через пятнадцать примчался «Сим-сим». В салоне с ним — двое раненых. Один из них — теперь я знаю — Ваня. Группа из четырех бойцов подорвалась на mine, которую установили сами же ополченцы «Призрака». «Сим-сим» отдал какие-то распоряжения и умчался в Кировск, в больницу — с фельдшером бригады, которая дежурила в Донецком. Позже другой УАЗ привез «двухсотых» — два тела, завернутые в брезент. Наружу торчали две пары ног в грязных берцах. Брезент пропитался кровью, она капала на землю, когда погибших перегружали из машины на деревянный помост. «Клеенку, клеенку надо подстелить! Сейчас доски замажете кровью, потом х... отмоете». Трое подняли брезент. Кто-то принес из штаба объемный кусок толстого полиэтилена — в моем детстве таким накрывали грядки с помидорами, чтобы они ночью не померзли. Разом помрачневшие ополченцы старались не наступить в те места, куда успела капнуть кровь погибших.

«Один из „двухсотых“ из Владивостока. Знаешь? Недолго в „Призраке“ прослужил», — Ваня кратко обернулся ко мне. Никого из подорвавшихся вместе с ним я лично не знал. Шел мой первый месяц в «Призраке». Большую часть времени я провел в Алчевске. В день, когда они подорвались, я оказался в Донецком во второй или даже в первый раз. Лишь шапочно к тому моменту успел познакомиться с «Сим-симом» во время одного из кратких заездов в Кировск.

За две недели до того, как на своей же mine подорвались Ваня и еще трое наших, у противника на своих минах подорвались пять их военнослужащих. Мы узнали это из украинских новостей. Солдаты ставили мины напротив Донецкого, вдоль автотрассы «Бахмутка», где находились их позиции. Сначала подорвался один. Когда его попытались вытащить четверо других — они тоже подорвались на своих минах. Итог: четверо погибших, один — тяжелораненый. «Да, я тоже читал в новостях, что они на своих минах подорвались. Потом вот мы на своей. Коварство войны, че», — философски прокомментировал Ваня, не отрывая внимания от дороги.

Он почти полгода пролежал в больнице после ранения. Родственники, из-за войны перебравшиеся на Валаам, позвали к себе — «временно поработать». «Считай, пять

лет уже здесь — временно работаю. Кручу баранку», — сказал Ваня. Потом добавил: «А че, войны, считай, нету. Сидим, как дураки, друг напротив друга в окопах. Этим по нам стрелять можно, нам по ним — нельзя. Да подрываемся на своих минах. Я в ЛНР вернусь, если только нормальная война опять начнется — как в 2014-м».

Мы свернули с Главной монастырской и ехали теперь по ухабистой дороге в сторону Оборонного. Ване надо было почти до этого острова. Вез для строителей материалы и инструменты — на Емельяновский остров в Авраамиевский скит. Между Оборонным и Валаамом три острова: Лиса, Емельяновский и Царская Кухня. Лет десять назад они были полноценными островами — добраться можно исключительно на лодке или катере, по воде завозили продукты и прочее необходимое монахам. Позже их соединили мостами, поэтому фактически они стали частью острова Валаам, успела мне объяснить Диньча, пока нас не нагнал Ваня на «буханке».

Деревянный широкий мост на бетонных опорах — мы заехали на Лису и по такому же мосту на Емельяновский. Ваня развернулся перед церковью, оплетенной строительными лесами. Два жилых модуля, на поддонах мешки со строительными смесями, жужжание болгарок и перфораторов. «Спасибо, Иван». — «Хорошо погулять». Он зашагал в сторону жилых модулей. Мы с Диньчей спустились к мосту — перешли на Царскую Кухню. «Финская колючая проволока сохранилась. Идем покажу», — сказала Диньча. По периметру острова зацепленная за столбы или деревья, вросшая в деревья, толстая темно-рыжая проволока. Иглы ее ступили ветры, осадки и перепады температур за восемьдесят лет. И все равно проволока не истлела настолько, чтобы ее порвать рукой — дернул, не получилось. Требовались инструменты, чтобы ее перекусить.

Царскую Кухню с Оборонным соединял подвесной мост. При входе на мост табличка: «Проход не благословляется». В переводе с церковного на обычный русский: проход запрещен. На Оборонном перед мостом недостроенная белая церковь в лесах. «Андрея Первозванного. Новая, в царские времена на острове не стояла церковь. Только пустынька». Строители перевозили материалы в тачках. В стороне от церкви бревенчатые дома с окнами-витринами и мансардами. «Для элитных гостей монастыря». Подход к домам для элиты охраняли два лысоголовых шкафоподобных типа. Из-за макушек сосен и лиственниц высовывался скошенный бетонный пенал. «Финская наблюдательная вышка». Мы направились к вышке. Охранники коровьими взглядами сопровождали нас.

Башня узкой стороной обращена к озеру, откуда финны ожидали прибытия советских войск: по Валаамским островам в 1930-х проходила «линия Маннергейма». В верхней части башни торчали плотными рядами загнутые прутья арматуры — словно колючки у ежа. Вход внутрь открыт — ворот просто нет. Сохранились мощные металлические косяки с внушительного размера петлями. Сумрачно, три глухих стены — я подсветил фонариком телефона. Деревянная лестница на следующий верхний уровень. Мы поднялись. Снова три глухих стены, в стене, обращенной в тыл, широкое окно. Поднялись по следующей лестнице — третий уровень. Бетонный круглый мощный стол в центре помещения. В стенах в сторону «советского нападения» узкие амбразуры, направленные под углом, чтобы возможные пули или осколки застревали в них, рикошетили, не попали в наблюдателей. Мы разглядывали озеро через амбразуры. Вдали по озеру мигрировали белые ледяные поля — две недели до Пасхи, середина апреля. За ними темно-синие волнистые линии — материковый берег озера. Где-то там город Приозерск, из которого я приплыл днем ранее на Валаам. На озерной воде точки чаек. Позади нас в стену вмурована металлическая лестница на крышу. Я поднялся: срезанный конус в окружении толстого бетонного воротника. Видимо, к срезанному конусу крепилась зенитная установка, а ворот защищал зенитчиков от возможного обстрела с земли или с воды.

«Давай попьём здесь кофе? Моднейшая валаамская кофейня „Наблюдательная башня“ приглашает вас», — предложил я, когда Диньча тоже поднялась на крышу. Взял котелок и спустился, чтобы набрать воды в озере. Темная гладкая, как стекло, вода. У берега — прозрачная. По темной гранитной плите спустился к урезу. Немного не по себе, что надо разрушить гладь воды. Столько гармонии и спокойствия. Нарочито широко размахнулся и хватанул в котелок воды, брызги в стороны. Потревожились ближайшие чайки. Закричали. Одна залопотала крыльями по воде, взлетать не стала.

Когда вернулся в башню, Диньча развернула горелку и присоединила к баллону. Газ с шипением выходил и сгорал под котелком. Диньча засыпала кофе и отрегулировала пламя. Мы расстелили куртки и легли на них, чтобы греться на солнце.

Когда мы отправились обратно, в сторону монастыря, Ваня уже уехал. Переходили по мосту через пролив между островом Лиса и Валаамом. В проливе набились льдины, неподвижно висели на воде. «Гляди — лебедь». Шея буквой Г, в профиль к нам, плыл деловито вдоль берега, огибая льдины. Крикнул — значит, где-то второй, вторая, другая половина пары. Отклика не последовало. Лебедь одним быстрым движением развернулся и стал удаляться от берега. Он постепенно сливался с одним из ледяных полей, мигрировавших по Ладоге.

Донецкий, ЛНР — весна 2023 года

Прошло ровно два года с тех пор, как вместе с Диньчей мы жили и трудились на Валааме. Очень многое изменилось за эти два года. Диньча больше не со мной. Случилось 24 февраля 2022 года. Диньча в настоящее время работает фельдшером в военном госпитале среди руин Мариуполя. Кофе больше мы с ней не пьем и крайне редко перекидываемся короткими сообщениями в социальных сетях. Вернулся ли после 24 февраля в ЛНР Ваня — не знаю.

В апреле нынешнего, 2023-го, я с двумя ребятами из моего родного города Кимры повез гуманитарку для подразделения, воюющего в ЛНР. Подразделение это занято радиоэлектронной борьбой. Своего места постоянной дислокации военнослужащие не раскрывают. Мы договорились встретиться в городе Стаханове — в 2014–2015 годах он являлся «столицей» луганских казаков, которыми командовал бывший каменщик Павел Дремов, убитый при весьма странных обстоятельствах в декабре 2015-го, после смерти командира казачий полк его распался, «столица» самоупразднилась. В Стаханове весной 2023-го дислоцировались различные подразделения российской армии и добровольческие формирования. Город регулярно подвергался обстрелам — обычно до него долетали ракеты, выпущенные из американских «Himars».

В ЛНР мы заезжали на своей машине через переход (хотя формально границы не было, ЛНР вошла в состав России, всех выезжающих и въезжающих в республику регистрировали российские пограничники) в селе Изварино. Мои спутники раньше в ЛНР не бывали, поэтому я вступил в должность штурмана. По республике я ездил в 2014-м и в 2015-м и поэтому дорогу от Изварина до Стаханова отлично представлял. Мы проехали через Краснодон и Молодогвардейск до Луганска, затем через весь Луганск по улице Оборонной (на углу Оборонной и Краснодонской в 2014-м находилось основное расположение батальона «Заря», в 2023-м — база луганских подразделений российской армии) до улицы Советской и повернули налево. На въезде и выезде из Луганска — бывшей столицы бывшего независимого государства — блокпосты российских военных. Однако нас не останавливали. Мы доехали до Алчевска — проехали через весь город, бывшую вотчину батальона «Призрак», где я провел значительную часть лета 2015-го и через Брянку добрались до Стаханова.

Стаханов я знал плохо: бывал там только проездом в 2015-м. Однажды в темноте мы ездили в штаб Дремова. С самим казачьим командиром-атаманом встретиться не довелось, общались с его заместителем. Я помнил, что штаб его располагался в некоем ДК или напротив некоего ДК.

Пользуясь навигатором, мы с кимрскими пацанами плутали по Стаханову, чтобы добраться до кафе «Ника», где нам назначили встречу те, для кого мы везли гуманитарку. Проезжали мимо, как показывал навигатор, ДК имени Горького — здание было порядком разрушено: видимо, в него попала одна из ракет тех самых «Himars», а может, и больше, чем одна. Обрушенная наполовину крыша, разбитая стена второго этажа, словно выломанная гигантской рукой. Может быть, это тот самый дворец культуры, где когда-то располагался штаб дремовских казаков? Я не смог вспомнить точно.

Поворот, еще поворот — мы выехали на площадь с памятником шахтеру-ударнику Стаханову. Позади него — кафе «Ника». Мы выгрузились и отправились в кафе. Двухэтажное стеклянное здание — никак не пострадавшее от долгих лет войны. Ни царапины, что называется. Внутри на первом этаже просторный зал, к которому примыкает кухня. За столами мужики в военной форме и при оружии либо подростки в нарядах яркой расцветки — девочки и мальчики — беззаботно болтали и показывали что-то друг другу в телефонах.

Мы воспользовались местным вай-фай (бесплатным, без паролей) и сообщили, что на месте. Пацаны из подразделения радиоэлектронной борьбы ответили, что придут через час. Мы заказали кофе и стали ждать, разглядывая и обсуждая местных подростков, которые, казалось, жили так, словно под боком у них не происходили жестокие бои с десятками убитых каждый день, словно их город не подвергался регулярным обстрелам ракетами противника.

Спустя час военные нам отписались, что задерживаются и нам предстоит подождать еще час. Через час они действительно прибыли. Два пацана в форме стандартов НАТО и шевронами-липучками с русской символикой — оба не старше 25 лет. Мы поздоровались, познакомились и принялись обсуждать гуманитарку, которую привезли им. На улице, как принято было писать в классической русской литературе, смеркалось. «Пацаны, мы по темноте не хотим обратно ехать. Поможете нам с размещением?» — обратился один из моих кимрских спутников к военнослужащим. Им требовалось получить разрешение командира. Минут через тридцать им удалось связаться с командиром — он дал добро. «Погнали».

Ребята загрузились в свою немного помятую «газель» зеленого цвета. Они поехали впереди, мы за ними. Плутали по Стаханову. Выехали в сторону Кировска — я сверялся с навигатором. «Едем в знакомые мне места», — сказал я своим кимрским спутникам. Въехали в Кировск, там мы не остались, поплутали по городу и выехали в сторону... «Не может быть, неужели поедем в Донецкий?» Стемнело, но все равно различимы были конусовидные силуэты терриконов по обеим сторонам дороги. Проехали мимо разбитой, брошенной на обочине бронемшины. Мы никуда не сворачивали — да, мы ехали напрямиком в Донецкий. Остановимся ли в поселке или дальше? Вот мост через речку Лугань. Поворот направо — въезжаем в Донецкий. После визита в тот день, когда Ваня и трое других «призраков» подорвались на mine, я много раз бывал в Донецком, оставался иногда на неделю или больше. Поэтому географию поселка отлично себе представлял. Проехали мимо школы — даже в темноте легко понять, что ее разнесли в руины артиллерией и ракетами, в школе дислоцировалось одно из подразделений «Призрака»; когда поселок оказался на линии фронта в 2015-м, его покинули почти все жители, объекты гражданской инфраструктуры перестали функционировать и их под свои нужды освоили бойцы батальона. Доехали

до дворца культуры, руинированного за время независимой Украины, и остановились. Из «газели» вышел один из бойцов и подошел к нашей машине: «Нам сюда». — «Вот это да, неожиданно. Я снова в Донецком восемь лет спустя!» — не удержался я, мои кимрские спутники не знали, что я в свое время бывал в этих местах.

Мы разгружались в темноте. Заносили наши грузы в расположение подразделения. Объясняли, что к чему. Потом был долгий ужин — почти до полуночи. Нам рассказали, что несколько дней назад подразделение потеряло двух бойцов — подорвались на растяжке на передовой в северной части ЛНР, оба погибли. Моих спутников отправили спать на койки, где спали в свое время погибшие, а меня определили в комнату заместителя командира — он отсутствовал, у стены в его комнате сложены бронежилеты, стрелковое оружие, цинки с патронами, каски, на столике возле койки стояли две гранаты.

Рано утром, пока все спали, я вышел, чтобы прогуляться по поселку. Честно говоря, я ожидал, что за годы нахождения на линии фронта его разнесли гораздо сильнее. Нет, многие дома оставались целыми, даже окна не разбиты. Совсем не пострадало здание фельдшерско-акушерского пункта, где располагался штаб местного подразделения «Призрака». В нем снова работали врачи, принимали местных жителей. Траншеи, в которых в свое время приходилось прятаться от обстрелов противника, заросли травой. Фронт сместился на северо-запад от Донецкого весной 2022 года. Где находилась теперь передовая, было отлично слышно — в 40 километрах без перерыва ухала артиллерия: шестой месяц продолжались тяжелые бои за Артемовск. Немного в стороне от поселка двойками пролетала штурмовая авиация.

В самом поселке, если сравнить с тем, что я видел в 2015-м, была... как бы это сказать: почти нормальная жизнь — да по-другому, пожалуй, и не скажешь. Я увидел десятки жителей на улицах, они куда-то шли по своим делам, ждали маршрутный автобус до Кировска, возились в огородах. Обычная поселковая жизнь на фоне отдельных разрушенных домов, зданий и беспрестанного уханья артиллерии и разрывов вдали.

Я дошел до северной окраины, откуда мы высматривали через бинокли восемь лет назад позиции противника вдоль автотрассы «Бахмутка». От трассы Донецкий отделяло поле шириной метров в двести. Идти через поле я не решился: где-то на этом же поле, к востоку от Донецкого, подорвался Ваня, а за две недели до него — пять военнослужащих противника. Кто его знает — все ли мины сняли?

Захотелось позвонить Диньче и рассказать, где я оказался. Однако решил, что она ничего не поймет. Она-то про Донецкий знает лишь по рассказу Вани, ее с этим поселком совершенно ничего не связывает. Я постоял еще несколько минут, пытаюсь разглядеть, есть ли теперь движение по «Бахмутке», но так и не увидел ни одного автомобиля или танка. Возможно, за годы наши обстрелы раскрошили полностью дороги до полной непроходимости. Или же саперы не очистили дорогу и обочины от мин. За спиной нарастал шум просыпающегося поселка, мне надо было возвращаться к своим.